

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 272–276

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 272–276

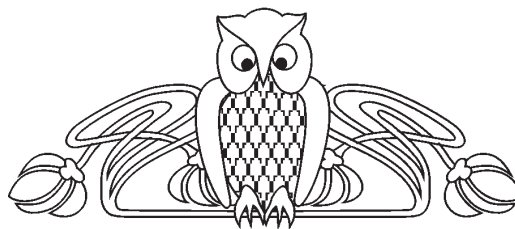
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-272-276>

Научная статья

УДК 130.3

Роль метанойи в формировании теологического мировоззрения

Т. Е. Седанкина

Российский исламский институт, Россия, 420079, г. Казань, ул. Газовая, д. 19

Седанкина Татьяна Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой систематической теологии, tatiana-svetlaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>

Аннотация. Введение. В связи с приобретением теологией статуса науки встает вопрос актуализации внутренних источников мотивации теолога-исследователя к научной деятельности. Одним из мотивирующих факторов является рассмотрение научно-исследовательской деятельности в качестве особого вида поклонения, заключающегося во внутренней устремленности к познанию Бога посредством приближения к постижению предельных смыслов. В данном случае исследовательская деятельность рассматривается в качестве сакральной, что, несомненно, придает теологу особый импульс к действию. **Теоретический анализ.** Анализ философско-герменевтических традиций христианства и ислама, исследований философов и психологов, а также идей философов-традиционалистов позволяет заключить, что метанойя как перемена ума, смещающая точку зрения за пределы привычных смыслов, способствует смотрению на мир через призму сакрального, благоприятствуя возвращению сакрального в повседневность. **Заключение.** Метанойя, происходящая в ходе научно-исследовательской деятельности, рассматривается как процесс своеобразного перерождения теолога, открывающий доступ к его скрытой психической энергии, осуществляя «разворот сознания» в сторону постижения сакральных истин. Исследовательская деятельность теолога представляет собой особый вид научного творчества, опирающегося на высшие метафизические принципы, направленные на восстановление и поддержание контакта с живой религиозной традицией посредством транслирования исконных ценностей.

Ключевые слова: теолог-исследователь, теологическое мышление, научно-исследовательская деятельность теолога как вид сакральной деятельности, внутренняя устремленность к познанию Бога, метафизическое знание, интеллектуальная интуиция, рациональное, иррациональное и сверхрациональное, умоперемена (метанойя), сакральное в повседневном, предельное отчаяние, экстатическая радость

Для цитирования: Седанкина Т. Е. Роль метанойи в формировании теологического мировоззрения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 272–276. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-272-276>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The role of metanoia in the formation of theological worldview

T. Ev. Sedankina

Russian Islamic institute, 19 Gazovaya St., Kazan 420079, Russia

Tatyana Ev. Sedankina, tatiana-svetlaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5241-6479>

Abstract. Introduction. In connection with the acquisition of the status of science by theology, the question arises how to update the internal sources of motivation of the theologian-researcher for scientific activity. One of the motivating factors is the consideration of research activities as a special kind of worship, which consists in an inner aspiration to know the God by approaching the comprehension of ultimate meanings. In this case, research activity is regarded as sacred, which undoubtedly gives the theologian a special impetus to action. **Theoretical analysis.** The analysis of the philosophical and hermeneutical traditions of Christianity and Islam, studies of philosophers and psychologists, as well as the ideas of traditional philosophers, allows us to conclude that metanoia as a change of mind that shifts the point of view beyond the usual meanings contributes to looking at the world through the prism of the sacred, favoring the return of the sacred into everyday life. **Conclusion.** Metanoia, which occurs in the course of research activities, is considered as a process of a kind of rebirth of the theologian, opening access to his hidden psychic energy, carrying out a “turn of consciousness” towards the comprehension of sacred truths. The research activity of a theologian is a special kind of scientific creativity, based on the highest metaphysical principles, aimed at restoring and maintaining contact with a living religious tradition through the transmission of primordial traditional values.

Keywords: theologian-researcher, theological thinking, research activity of a theologian as a kind of sacral activity, inner striving for the knowledge of the God, metaphysical knowledge, intellectual intuition, rational, irrational and superrational, mental change (metanoia), sacred in everyday life, ultimate despair, ecstatic joy

For citation: Sedankina T. Ev. The role of metanoia in the formation of theological worldview. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 272–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-3-272-276>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время особенно актуальным становится «вопрос о мотивации и реализации внутреннего потенциала посредством направления внимания к предельным смыслам и поиску источника внутри себя» [1, с. 56]. Этот вопрос касается как светского человека, либо «истощенного» экзистенциальным вакуумом, либо «пресыщенного» мирскими радостями, так и человека религиозного, почерпнувшего знания из религиозных книг, но не удовлетворенного достигнутым, продолжающего стремиться к постижению предельных смыслов посредством саморазвития и самообразования, направленного на более глубокое осмысление прочитанного. Люди, обладающие особым типом «когнитивной направленности», выражающейся в «поисковом познавательном характере мышления» [2, с. 22], как раз и являются потенциальными (реальными) теологами-исследователями – носителями особого типа мышления – мышления теологического.

Несомненно, основным источником мотивации к исследовательской деятельности теолога должны стать не внешние стимулы, а внутренняя устремленность к познанию Бога посредством приближения к постижению предельных смыслов, несмотря на осознание того, что полное их обретение не представляется возможным. Принятие собственной когнитивной ограниченности с одновременным стремлением к постижению горизонтов возможного расширяет эти горизонты до ранее казавшихся невозможными – таков путь искателя сакральных истин, путь теолога-исследователя, путь, предполагающий некий переворот сознания. И если верующий человек является «человеком не от мира сего», то теолог-исследователь становится «не от мира сего» дважды. То есть в его сознании теолога не только смещаются акценты внимания с мира бренного на мир горний, что является первым «разворотом», на чем многие верующие и останавливаются, но и осуществляется второй «дерзновенный разворот» сознания в сторону постижения сакральных глубин, что, на наш взгляд, и является путем теолога-исследователя.

Теоретический анализ

Идея «перемены ума» присутствует в традиционных религиях, а также рассматривается в рамках философии, психологии, психиатрии и образования – научной (теологической) деятельности. Как в христианской, так и в исламской религии наличествует идея разворота ума в сердце, получившая название «метанойя» (умоперемена). Как отмечает диакон Святослав (Елисеев), «метанойя становится причиной образования особого энергийного бытия человека, что является одним из главных условий христианского подвига аскезы, приближающим к общению с Богом» [3, с. 22]. Подобную идею находим в суфийской коммуникативистике, согласно которой разворот фокуса внимания от себя к Богу являет «психическую энергию, способствующую превращению души из неблагородного металла в золото» [1, с. 57]. Идеи «Алхимии души» приводятся в книге средневекового мусульманского мыслителя Аль-Газали (1058–1111), утверждавшего, что внутренняя алхимия приближает человека к Богу, даруя ощущение счастья, «мотивируя к поиску предельных смыслов» [4, с. 55–56].

Помимо религиозных концепций, вопросу метанойи как пути «от себя к себе» немалое внимание уделяется в философской феноменологии, экзистенциальной философии и философской психиатрии, где данный процесс рассматривается как «союз экстатической радости и радикального отчаяния, проживаемый через выход за пределы своего “я”, поворот к собственному опыту» [5, с. 81], представляющему собой «великое освобождение», осуществляемое через труднейшее переживание разрыва, позволяющего преодолеть границу между бытием и небытием. В данном контексте метанойя «из философской категории превращается в терапевтическую социальную стратегию» [5, с. 82], способствующую повышению уровня самоорганизации, ответственности благодаря открывающейся способности рассматривать «повседневную деятельность в качестве сакральной, причем не в метафизическом, а социологическом контексте» [6, с. 102].

Считаем, что метанойя («перемена ума»), способствуя смотрению на мир через призму сакрального, благоприятствует возвращению сакрального в повседневность, восстановлению исконных традиционных ценностей, что благодаря смене ориентиров «ведет к кардинальному изменению отношения человека к своей деятельности и жизни в целом» [7, с. 218]. В этой связи вспоминаются слова философа-традиционалиста Ананды Кумарасвами (1877–1947), отмечавшего, что «в традиционном обществе любая, даже обыденная деятельность становится частью Пути, в таком обществе нет ничего “профанного”; в противоположность обществу светскому, где нет ничего святого» [8, с. 138]. Будучи «современным образованным человеком, смотрящим на мир изнутри традиции, неся в себя ее подлинный дух» [8, с. 7], А. Кумарасвами являет собой пример обладания одной из обязательных специфических характеристик мировоззрения теолога, что указывает на наличие точек соприкосновения идей философов-традиционалистов и науки теологии, опирающейся на высшие метафизические принципы.

Несомненно, привитие студентам-теологам понимания того, что их исследовательская деятельность носит «сакральный характер», причем не только за счет творческого отношения к труду, но и вследствие специфики (уникальности) предмета теологического исследования, является серьезным мотивирующим фактором. «Благодаря осуществлению метанойи, совершению ментального разворота, возможно достижение максимально возможного в уже наличном состоянии ума» [9, с. 186].

Следует признать, что далеко не каждый человек желает как «перемены ума», так и достижения «максимально возможного», поскольку эти процессы требуют серьезной внутренней работы, которую А. М. Кангиева сравнивает с алхимическим делом. Исследователь пишет: «Нестремление, расфокусировка, апатия, застревание» могут привести к остановке «алхимической реакции переплавки железа в золото», и тогда такой человек может искать утешения в религиозных практиках и довольствоваться готовыми смыслами, так и оставшись «железом» [1, с. 62]. Таких «застрявших» на пути познания философ-традиционалист Рене Генон (1886–1951) называл «носителями внешней скорлупы Традиции, не подозревающими о ее внутреннем глубинном содержании» [10, с. 130], погружение в которое и является задачей теолога-исследователя.

В ходе «переплавки железа в золото» происходит естественный процесс, когда иссле-

дователь начинает испытывать сомнения по поводу дальнейшего движения, по поводу невозможности осознать неосознаваемое, описать не поддающееся описанию. Иногда он может почувствовать, что не выдерживает психической энергии, сопровождающей процесс постижения, останавливаясь в своих изысканиях. Отступление, утрачивание стремления к познанию за пределами, несомненно, отдаляет от постижения Другого. Только смирившись с невозможностью познать запредельные смыслы, исследователь может продолжить свой «путь к Ты, обретая доступ к своей скрытой силе» [1, с. 56], к психической энергии, движущей алхимический процесс, направленный на формирование мышления теолога-исследователя, что представляет собой «процесс своеобразного перерождения, посредством испытания предельным отчаянием и экстатической радостью постижения того, что ранее казалось невозможным» [5, с. 81]. Именно эта радость служит отличным стимулом научно-исследовательской деятельности теолога, в связи с чем одной из задач педагога является раскрытие молодому исследователю особого источника интеллектуального наслаждения, который, по мнению А. Кумарасвами, заключается в «радости поиска, понимания, радости самой текстуре искомого “камня”» [8, с. 46–47].

Несмотря на то, что в приведенной цитате речь идет о художнике и произведении искусства, это ни в коей мере не отрицает сути изложенного, более того, позволяет взглянуть на исследовательскую деятельность как на искусство (особую форму научного творчества, предполагающего как рациональные, так и иррациональные способы познания), а на теолога – как на художника, сотворяющего сакральную реальность в повседневном профанном мире. Здесь необходимо уточнить, что термин «иррациональное» рассматривается в качестве «сверхрационального», отнюдь «не являющегося ее синонимом, а тем, что выше разума, но не противоположно ему» [10, с. 424].

Допущение возможности применения сверхрационального уровня познания в теологическом исследовании способствует открытию возможности доступа к глубинным смыслам благодаря «восстановлению контакта с живой традицией» [10, с. 33]. Кто как не теолог-исследователь способен совершить это восстановление посредством «метода личного опыта веры и жизни теолога» [11, с. 8], предложенного первым кандидатом теологии П. В. Хондзинским в качестве одного из методов теологического исследования, поддержанного представителями традиционной богословской

школы, однако в академических кругах вызвавшего жесткую критику. Отрицание академической наукой применения специфических теологических методов является лишь одной из граней, препятствующих обращению к области «чистого сверхрассудочного знания». Другой гранью выступает негласный запрет богословского сообщества на «стремление свободного мыслителя заглянуть за непроницаемое покрывало, таящее сокровища нечеловеческой предвечной мудрости» [10, с. 14]. Этот «негласный запрет» формирует как у просто религиозных людей, воспринимающих религию на уровне ритуала, так зачастую и у теологов-исследователей «страх перед тайной». Как разъясняет Р. Генон, сущность человека такова, что в случае непонимания чего-то он начинает испытывать страх, результатом которого становится отрицание, а иногда и ненависть к новому, к непонятому. «Ненависть к тайне является одной из форм ненависти к тому, что превышает “средний” уровень, отменяя навязываемое единообразие» [10, с. 517].

Несомненно, нельзя забывать о духовных рисках (на что направлены наши дальнейшие исследования), однако важно осознавать разницу между тем, что находится уже за чертой, а что еще в поле возможности реального исследования. Р. Генон разъясняет разницу между «званными и избранными», отсылая нас к библейскому тексту. По мнению философа, званными являются те, кто лишь имеет в себе потенцию к реализации высшего замысла, а избранными – те, кто эту потенцию активно реализует. Позволим себе заявить, что теолога-исследователя вполне можно отнести к «званным» в силу принадлежности к религиозной традиции не только на уровне ритуала, но и внутренней устремленности к постижению глубинных метафизических смыслов. А вот шанс оказаться в числе «избранных» зависит от степени реализации заложенного потенциала и, конечно, от воли Всевышнего.

Заключение

Таким образом, в представленной работе предпринята попытка рассмотрения роли метаноии, смещающей ценностный вектор в сторону «сакрального» в научно-исследовательской деятельности теолога как носителя особого типа мировоззрения, что позволяет взглянуть на исследовательский процесс как на один из видов сакрального действия (особый вид поклонения) ввиду уникальности предмета теологического исследования, что, несомненно, служит серьезным мотивирующим фактором для теолога.

Выявлены точки соприкосновения идей философов-традиционалистов и теологов-исследователей, опирающихся на высшие метафизические принципы, направленные на восстановление и поддержание контакта с живой традицией посредством транслирования исконных традиционных ценностей и возвращения сакрального в повседневность, являющихся не «носителями внешней скорлупы Традиции, страшящейся и ненавидящей все превосходящее средний уровень», а «званными и избранными» ради реализации дарованного Всевышним потенциала, возможной благодаря метаноие (умоперемене), играющей ключевую роль в формировании мировоззрения теолога-исследователя.

Список литературы

1. Кангиева А. М. Суфийская коммуникативистика как «алхимия души» (на примере источников Крымского ханства) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. № 9. С. 54–64.
2. Карпов А. О. Социализация и исследовательское поведение научного типа // Школьные технологии. 2015. № 4. С. 21–34.
3. Елисеев С. А. (диакон Святослав). Внутренний органон : экспозиция, квалификация и верификация духовного опыта в православной традиции // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2021. № 1 (10). С. 22–32.
4. Аль-Газали А. Х. Эликсир счастья : в 4 ч. Ч. 1 : Унваны 1–4 / пер. с перс. А. А. Хисматулина. М. : Ихлас, 2011. 464 с.
5. Власова О. А. Опыт безумия и ничтожение бытия : от экзистенциальной философии к экзистенциально-феноменологической психиатрии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 3 (14). С. 74–82.
6. Новичкова Г. А. Философское обоснование труда // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 95–104.
7. Годова М., Маслова А. В. Мистические традиции в духовной культуре Запада и Востока (обзор «круглого стола») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 5 (795). С. 215–223.
8. Кумарасвами А. К. Восток и Запад. Религия, мифология, символика, искусство / пер. с англ. М. В. Маковича. М. : Беловодье, 2018. 174 с.
9. Иванов О. Е. Об интеллектуальных приоритетах в христианстве // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, вып. 2. С. 176–197.
10. Генон Р. Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008. 784 с.
11. Хондзинский П. В. Разрешение проблем русского богословия XVIII века в синтезе Святителя Филарета, митрополита Московского : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 25 с.

References

1. Kangieva A. M. Sufi communication studies as an “Alchemy of spirit” (on the materials of Crimean Khanate sources). *Voprosy krymskotatarskoy filologii, istorii i kul'tury* [Problems of the Crimean Tatar philology, history and culture], 2020, no. 9, pp. 54–64 (in Russian).
2. Karpov A. O. Socialization and research behavior of scientific type. *Shkol'nye tehnologii* [School Technologies], 2015, no. 4, pp. 21–34 (in Russian).
3. Eliseev S. A. (Deacon Svyatoslav). Internal organon: exposition, qualification and verification of spiritual experience in the Orthodox tradition. *Vestnik Omskoy pravoslavnoy duhovnoy seminarii* [Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary], 2021. no. 1 (10), pp. 22–32 (in Russian).
4. Al-Ghazali A. Kh. *Eliksir schast'ya* [Elixir of Happiness: in 4 parts. Part 1: Unvans 1–4]. Moscow, Ikhlas Publ., 2011. 464 p.
5. Vlasova O. A. The experience of madness and the nothingness of being: From existential philosophy to existential-phenomenological psychiatry. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University A. S. Pushkin], 2008, no. 3 (14), pp. 74–82 (in Russian).
6. Novichkova G. A. Philosophical substantiation of labor. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2015, no. 5, pp. 95–104 (in Russian).
7. Godava M., Maslova A. V. Mystical traditions in the spiritual culture of the West and East (a review of the “round table”). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences], 2018, iss. 5 (795), pp. 215–223 (in Russian).
8. Kumarasvami A. K. *Vostok i Zapad. Religija, mifologija, simbolika, iskusstvo*. Per. s angl. M. V. Makovich [East and West. Religion, mythology, symbolism, art. Transl. from Engl. M. V. Makovich]. Moscow, Belovod'e Publ., 2018. 174 p.
9. Ivanov O. E. On intellectual priorities in Christianity. *Vestnik Russkoi hristianskoj gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities], 2015, vol. 16, iss. 2, pp.176–197 (in Russian).
10. Guenon R. *Krizis sovremennogo mira* [The crisis of the modern world]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 784 p.
11. Khondzinsky P. V. Resolution of the problems of Russian theology of the 18th century in the synthesis of St. Philaret, Metropolitan of Moscow. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). Moscow, 2017. 25 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 04.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 22.06.2022
The article was submitted 04.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 22.06.2022